

Волконского была учреждена Васильчиковым в гвардии тайная полиция для слежки за настроениями офицеров.¹⁹ В письме от 3 декабря 1820 года Васильчиков сообщил Волконскому о завербованном им агенте — библиотекаре Генерального штаба Грибовском,²⁰ а в начале 1821 года — о готовящемся Московском съезде «Союза Благоденствия»,²¹ том самом, который послужит поводом и главной темой для записки Грибовского. Учитывая все эти обстоятельства, трудно себе представить, чтобы записка, хотя и адресованная непосредственно царю, осталась неизвестной Волконскому.

П. М. Волконский был своим человеком в доме Олениных. Вместе с супругой (двоюродной сестрой А. Н. Оленина) и всей семьей по воскресеньям он обедал у Олениных²²

Сам А. Н. Оленин в это время тоже занимал важный государственный пост: будучи статс-секретарем Государственного совета, он исполнял обязанности государственного секретаря. Участие сына в тайном обществе не только грозило опасностью ему самому, но могло разрушить и карьеру отца.

Мог ли царедворец П. М. Волконский в таких обстоятельствах не предупредить близкого ему человека о предсудительном в глазах царя поведении сына и о грозящей ему опасности?

Записка Грибовского была представлена царю в конце мая 1821 года, а 25 июля было написано письмо Крылова А. А. Оленину с двумя баснями и с припиской А. Н. Оленина. Содержание басен «Плотичка» и «Овца» удивительно соответствуют той ситуации, в которой находился А. А. Оленин, во всяком случае только так мог понимать эту ситуацию его отец. Конечно же, верноподданный Алексей Николаевич не мог представить своего сына серьезным заговорщиком. (Как выяснилось впоследствии, он и не был таковым. После роспуска «Союза Благоденствия» никакого участия в движении декабристов он больше не принимал). Алексей Николаевич мог расценить его участие как легкомысленную шалость, романтическое увлечение, однако увлечение опасное, от которого следовало предостеречь немедленно.

Написать обо всем прямо, называя вещи своими именами, было невозможно, сведения о «Союзе Благоденствия», конечно же, были государственной тайной. И крыловские басни пришлись как нельзя кстати. Для того чтобы у Алексея не возникло никаких сомнений в том, что басни посылаются ему не просто для прочтения, что их мораль адресована ему лично, Оленин и Крылов и придали письму такой необычный вид. Своей припиской отец показал, что письмо послано по

¹⁹ Русский архив 1875 Кн 1 С 339—359, Кн 2 С 44—98, 419—465

²⁰ Там же Кн 2 С 437

²¹ Там же Кн 2 С 442

²² И А Крылов в воспоминаниях современников М, 1982 С 158